

Анастасия Шерр
Ли́ра Ветрова

КАВКАЗЕЦ. Насильно жена

Анастасия Шерр

Кавказец. Насильно жена

«Автор»

2026

Шерр А.

Кавказец. Насильно жена / А. Шерр — «Автор», 2026

Мы познакомились в магазине. Он придержал мне дверь, я смущённо улыбнулась. Он вышел следом, чтобы узнать моё имя. Красиво ухаживал, обещал прийти к отцу. Только о жене рассказать забыл. Теперь мои родные требуют оставить меня в покое. Но его семья сильнее нашей, а отказы он слышать не привык. Через неделю я сама набираю его номер. Мама плачет над избитым братом, отец ушёл искать помощи у родственников. Я прячусь в ванной, чтобы никто не услышал, кому звоню.— Я выйду за тебя. Только оставь их в покое, — прошу я, зажимая ладонью рот. Он велит собираться. А я смотрю на телефон и не могу закончить разговор. — Твоя жена знает, что ты привезёшь меня?

© Шерр А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Аннотация	6
От авторов	7
Глава 1	8
Глава 2	11
Глава 3	14
Глава 4	17
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Ли́ра Ветро́ва, Анастаси́я Шерр

Кавказец. Насильно жена

Кавказец. Насильно жена

Анастасия Шерр

Ли́ра Ветро́ва

Аннотация

Мы познакомились в магазине. Он придержал мне дверь, я смущённо улыбнулась. Он вышел следом, чтобы узнать моё имя. Красиво ухаживал, обещал прийти к отцу. Только о жене рассказать забыл. Теперь мои родные требуют оставить меня в покое. Но его семья сильнее нашей, а отказы он слышать не привык.

Через неделю я сама набираю его номер. Мама плачет над избитым братом, отец ушёл искать помощи у родственников. Я прячусь в ванной, чтобы никто не услышал, кому звоню.

— Я выйду за тебя. Только оставь их в покое, — прошу я, зажимая ладонью рот. Он велит собираться. А я смотрю на телефон и не могу закончить разговор. — Твоя жена знает, что ты привезёшь меня?

От авторов

Эта книга — художественный вымысел. Авторы с уважением относятся к людям всех национальностей, культур и вероисповеданий, их традициям и обычаям. Мы не ставим целью оскорбить какой-либо народ или осудить его уклад жизни.

Характеры и поступки героев, отношения между семьями и описанные порядки созданы для сюжета и не отражают жизнь какой-либо национальной или религиозной общины в целом.

Все персонажи и события вымышлены. Любые совпадения с реальными людьми, их судьбами и событиями случайны.

Глава 1

Я выхожу из магазина с пакетом в каждой руке и едва не врезаюсь в мужчину, который придерживает мне дверь. Пакет задевает его брюки, я поднимаю голову, чтобы извиниться, и забываю, что хотела сказать. Он смотрит на меня с улыбкой. Высокий, широкоплечий, с густой короткой бородой. Я смущённо улыбаюсь ему в ответ, опускаю глаза и выхожу, тихо поблагодарив.

Он догоняет меня у аптеки. Я успеваю оглянуться, испугаться, что заметил мой интерес, и перехватить ручки пакетов. В пакете стучат банки сгущёнки. Мама просила купить две, а я взяла четыре по скидке и теперь несу их, ругая свою хозяйственность.

— Подожди. Даже имени не сказала, — он протягивает руку к пакету, который я пытаюсь поднять повыше. Я прижимаю его к себе, и мужчина убирает ладонь. Улыбка становится шире. — У тебя духи такие... Я собирался за водой зайти, а пошёл за тобой.

Духи мне подарила мама на двадцать второй день рождения. Утром я нанесла каплю на запястья и о подарке забыла. Теперь хочется спрятать руки. Мимо проходят люди, а я стою перед незнакомым мужчиной, который даже не пытается скрыть, что разглядывает меня.

— Амина, — наконец произношу я, поправляя ручку пакета на пальцах. Он повторяет моё имя, и мне нравится, как оно звучит у него. Глупо нравится. Я ведь вижу этого человека впервые и даже не знаю, как его зовут.

— Бурхан, — представляется он, заметив мою заминку. Припаркованная у аптеки машина коротко сигналит, и он оборачивается. Водитель машет ему, но Бурхан жестом велит ждать. — Давай подвезу. Куда тебе с этими банками?

— Меня мама ждёт. Я на автобусе доеду, — отказываюсь я. Он забирает один пакет, когда я пытаюсь высвободить придавленный ручкой палец. Мне приходится пойти следом, чтобы вернуть покупки. — Я сама могу!

— Вижу, — он смотрит на красную полоску у меня на коже. Я иду рядом, стараясь не задеть его локтем. У остановки он возвращает пакет. — Завтра опять за сгущёнкой придёшь, Амина?

— Я в пекарне работаю. Нашей, семейной, у сквера, — объясняю я, смеясь. Он кивает, будто знает её, а я зачем-то добавляю, что для пекарни всё привозят поставщики. Сегодня маме понадобилось кое-что для домашнего торта. Подъезжает автобус, я забираюсь в салон и оборачиваюсь через стекло. Он всё ещё смотрит мне вслед.

Дома мама ворчит из-за лишних банок. Я убираю покупки и ухожу к себе переодеваться. Достая флакон духов, ставлю на стол, убираю обратно. Не выдерживаю, достаю опять и злюсь на себя за эту возню. В двадцать два года я сама договариваюсь с заказчиками, оформляю свадебные заказы, а теперь не могу даже переодеться, потому что вспоминаю, как держалась за пакет рядом с Бурханом.

На следующий вечер он приходит, когда я уже собираюсь закрывать пекарню. Я оттираю с ладони шоколад, когда слышу знакомый голос. Поднимаю голову и роняю полотенце. Всю смену ждала его, а теперь хочется спрятаться на кухне, умыться, поправить волосы. Бурхан смотрит на пятно у меня на щеке. Я начинаю тереть щёку, только размазывая шоколад.

— Так ты и пироги делаешь? — Бурхан наклоняется к витрине, давая мне время вытереться. Выбирает два с мясом, просит упаковать. Я достаю коробку, уговаривая себя считать его покупателем. Он задерживает руку на краю прилавка. — Вчера весь вечер тебя вспоминал. Решил проверить, такая же ты сегодня.

Я тянусь за деньгами, и наши пальцы соприкасаются. Бурхан медлит, прежде чем отпустить купюру, а я отдёргиваю руку и поворачиваюсь к кассе, забыв цену пирога, которую повторяю покупателям каждый день.

— Не надо ко мне на работу приходить, — прошу я, протягивая ему чек. Из кухни доносится смех моей двоюродной сестры. Отец сегодня уехал за мукой, мама принимает дома гостей. — Здесь родные работают. Увидят, начнут спрашивать.

— Я потому и пришёл сюда, — отвечает он, убирая чек. Я поднимаю голову, чтобы понять, смеётся он или говорит всерьёз. Бурхан достаёт телефон. — Мне тридцать восемь, Амина. Я к тебе серьёзно.

— Папа не разрешит встречаться тайком, — я прячу руки в карманы фартука. Очень хочется дать Бурхану свой номер, и я боюсь, что он это заметит. Мне уже страшно, что сейчас уйдёт и больше не придёт.

— Так познакомь меня с отцом, — Бурхан убирает телефон, заметив, как я растерялась. Мы встретились вчера, я ещё маме ничего не рассказала, а он уже готов прийти к нам! Я прошу дать мне время, и он забирает пироги. — Хорошо. Поговори с родителями. Я подожду.

Вечером я помогаю маме на кухне, пока она сама не спрашивает, что со мной. Рассказываю про покупателя, который хочет познакомиться с папой. Мама улыбается, но, услышав возраст Бурхана, откладывает нож. Спрашивает, что я успела о нём узнать. Я могу назвать только имя и возраст. Мне становится стыдно, и я обещаю всё выяснить, если он придёт ещё.

Он приходит снова, когда я уже перестаю надеяться. Приносит два букета, один для мамы, и я забываю всё, о чём собиралась расспросить. Сестра выглядывает из кухни, улыбается во весь рот. Бурхан здоровается с ней и покупает хлеб, пока я держу розы, стараясь не уколоться. Ни один мужчина до него не приносил мне цветы.

— Дай номер, — просит он, когда сестра возвращается на кухню. Я опускаю букеты на прилавок и развязываю фартук, хотя смена ещё не закончилась. Он терпеливо ждёт, пока я перестану путаться в завязках. — Сегодня позвоню. Завтра приеду к отцу, если ты согласна.

Я диктую цифры. Бурхан набирает меня, дожидается звонка и завершает вызов. Внутри всё подпрыгивает от мысли, что теперь я смогу ему написать. Спросить, доехал ли, пожелать доброго утра. Я делаю вид, что занята цветами, пока он уходит, а оставшись одна, сохраняю номер и долго смотрю на его имя.

Он звонит вечером, когда я раскладываю тарелки к ужину. Хватаю телефон и убегая в свою комнату под смех брата. Бурхан спрашивает, понравились ли маме розы, и смеётся, услышав, что её букет стоит в вазе, а мой в банке. Я рассказываю о пекарне, о неудачных первых пирогах, о том, что хочу научиться печь свадебные торты. Ловлю себя на том, что говорю слишком много, и замолкаю. Он просит продолжать.

— Мама спрашивала вашу фамилию, — вспоминаю я, когда брат стучит в стену и зовёт ужинать. Прижимаю телефон к уху, чтобы расслышать ответ. Саидов. Фамилия знакомая, в городе несколько магазинов принадлежат этой семье. — А папе что сказать? Во сколько вы приедете?

— Вечером буду. И давай уже на «ты», — Бурхан произносит это тише, чем говорил до сих пор. Я сцепляю пальцы на коленях и киваю, забыв, что он меня не видит. Он ждёт моего ответа, и я выговариваю его имя. Слышу, что он довольно усмехается. — Вот так. До завтра, Амина.

К столу я возвращаюсь с телефоном в руке. Мама раскладывает мясо, отец подвигает ей свою тарелку. Брат Ильяс освобождает мне стул и шепчет, что мы слишком долго прощались. Я толкаю его локтем, сажусь и рассказываю о завтрашнем визите, стараясь не улыбаться так заметно.

— Саидов? — отец перестаёт жевать и откладывает вилку. Ильяс перестаёт улыбаться. Я оглядываю всех троих, ещё не понимая, почему они замолчали. — Бурхан Саидов к тебе приходил?

Отец требует показать номер. Я открываю недавние вызовы, подвигаю телефон к нему. Папа смотрит и возвращает его мне. Мама кладёт ладонь мне на плечо, а я пытаюсь встать. Что случилось с их лицами?

— Он женат, дочка, — мама всё же удерживает меня на стуле. Я качаю головой, показываю ей телефон, будто сохранённое имя может что-то доказать. Мама обнимает меня за плечи. — Я его жену знаю. Залину. Она приходила к нам в пекарню, заказывала пироги. И свадьбу их помню. На весь город гуляли. Стреляли, будто война началась.

Я смотрю на вазу с розами в гостиной. Перед ужином мама подрезала стебли, я держала полотенце, чтобы она не накапала на пол. Мы обсуждали, что приготовить на завтра. Бурхан слушал меня, смеялся, а я так старательно подбирала слова, чтобы казаться ему взрослее. Пытаюсь вспомнить посетительницу по имени Залина. Я ведь могла упаковывать её заказ, подавать ей коробки, даже не подозревая, что скоро буду ждать звонка от её мужа.

— Может, они развелись? — спрашиваю я и слышу, как жалко это звучит. Отец качает головой. Ильяс с силой отодвигает стул, но папа останавливает его ладонью, прежде чем он успевает подняться. Я всё ещё держу телефон. Хочется позвонить Бурхану и потребовать, чтобы он объяснил, почему папа ошибается.

Бурхан присылает сообщение, что уже хочет увидеть меня. Я читаю его, заслонив телефон ладонью от брата. До сих пор пытаюсь что-то придумать, найти объяснение, при котором ещё смогу ждать его завтра. Он мог бы сказать про жену в магазине, в пекарне, сегодня, когда спрашивал о цветах для моей мамы. Я стираю с лица слёзы, нажимаю на его имя и протягиваю телефон отцу.

— Поговори с ним, папа, — прошу я и пересаживаюсь к маме, чтобы прижаться к её плечу. Папа принимает телефон, ждёт ответа и называет себя. Ильяс наклоняется к нему через стол. Я слышу голос Бурхана и зажимаю рот ладонью, когда отец поднимается.

— Завтра приезжай. Поговорим о том, зачем ты обманываешь мою дочь, — отец останавливает брата, который тянется за телефоном. Включает громкую связь. Я вцепляюсь в мамину руку, услышав, как Бурхан отвечает, что приедет обязательно.

Глава 2

— Я женат и разводиться не собираюсь, — произносит Бурхан так отчётливо, что я слышу каждое слово. Разжимаю пальцы, которыми вцепилась в мамину руку. Мне становится стыдно за то, как несколько минут назад я цеплялась за мысль о его разводе. Отец держит телефон перед собой, а я смотрю на имя, которое сегодня так старательно сохраняла. Бурхан на несколько секунд замолкает. — Я приду просить руки Амины. Пусть ваши старшие тоже будут.

Ильяс бьёт ладонью по столу. Вилка соскальзывает с тарелки, мама вздрагивает, а я подбираю прибор и кладу обратно. Пальцы скользят по металлу. Мне хочется сказать брату, чтобы он не кричал, потому что тогда я не услышу Бурхана. До сих пор жду от него хоть одного слова, после которого станет легче. Папа отводит телефон от Ильяса и смотрит на меня.

— Она не соглашалась быть второй женой, — отец придвигается ко мне и кладёт свободную ладонь на затылок. Я прижимаюсь к нему и начинаю плакать сильнее. Он гладит мои волосы, пока говорит с женщиной, которому я несколько минут назад рассказывала о своей работе, смеялась, обещала познакомить с родными. — Ты должен был сказать, что женат. До того, как начал за моей дочерью ходить.

— Амина меня слышит? — спрашивает Бурхан, и я вытираю щёки, словно он может увидеть. Отец уже тянется завершить вызов, но я хватаю его за руку. Мне надо самой это сказать. Пусть услышит и перестанет говорить обо мне так, будто мы обо всём договорились.

— Слышу. Я за тебя не выйду, — произношу я и смотрю на маму, чтобы не зажмуриться. Она кивает, сжимает мои пальцы. Бурхан зовёт меня по имени, и от знакомого голоса меня опять разбирает на слёзы. — Ты мне понравился. Я маме про тебя рассказывала! Зачем ты так со мной?

— Успокойся, Амина. Завтра я приеду, поговорим, — отвечает он, и я крепче сжимаю мамину руку. Он произносит моё имя так же, как сегодня, когда мы ещё обсуждали цветы. Я вспоминаю два букета. Он выбирал розы для моей мамы, передавал их мне, зная, что дома его ждёт жена. Я вскакиваю, выхватываю телефон у отца и прижимаю к уху. Брат пытается остановить меня, но папа отводит его руку.

— Мне не надо ничего говорить! Я второй не буду! — выкрикиваю я и нажимаю отбой, не дожидаясь ответа. Руку трясёт так, что я едва попадаю пальцем в нужное место. Хочется швырнуть телефон об пол. Вместо этого я прижимаю его к груди и стою, пока мама не подходит обнять. За её плечом вижу Ильяса. Он уже достаёт свой телефон, но отец велит ему сесть.

Ночью я складываю в пакет оба букета. Мамины розы мокрые, вода течёт по рукаву, на пол падает оторвавшийся лист. Я наклоняюсь за ним и сажусь на корточки. Долго так сижу, потому что встать уже не получается. Мама находит меня в гостиной, забирает цветы. Я прошу оставить их, чтобы завтра вернуть Бурхану. Она уносит пакет на веранду, возвращается и садится со мной на диван. Я ложусь к ней на колени, как в детстве, и прошу не рассказывать родственникам, что сама дала ему номер.

Утром отец оставляет меня дома. В пекарню уезжают мама с Ильясом, а он остаётся, созванивается со своими братьями. Я слышу из кухни знакомые имена, папино раздражённое сопение, когда кто-то пытается его перебить. Он несколько раз повторяет, что я отказала. Я поднимаюсь к себе, достаю синее платье, которое собиралась надеть вечером. Вешаю обратно. Долго перебираю вещи, пока не ловлю себя на том, что всё ещё выбираю, в чём он меня увидит. Надеваю старую юбку и блузку, в которых хожу на работу, и больше к шкафу не подхожу.

К приходу Бурхана у нас собираются двое папиных братьев. Ильяс сидит на краю кресла, сцепив руки в замок. Мама ставит на стол чай, хотя никто его не пьёт. Я жду на кухне с пакетом цветов и вздрагиваю, услышав машину. Бурхан приезжает один. Я вижу его из окна, пока он поднимается к дому, и отступаю, чтобы не заметил. Он одет в такую же тёмную рубашку, как

та, что была на нём в магазине. Я помню её закатанные рукава, его улыбку, мой пакет в его руке и злуюсь на себя за это.

Отец зовёт меня, когда все уже расселись. Бурхан встаёт, увидев меня с цветами. Я останавливаюсь у дивана, а мама забирает пакет и кладёт на край стола. За ночь розы поникли, мокрая бумага прилипла к стеблям. Он смотрит на них, переводит взгляд на меня и двигает кресло, предлагая сесть. Я сажусь рядом с мамой. Отец придвигает стул так, чтобы оказаться между мной и Бурханом.

— Ты слышал мою дочь вчера. Сегодня услышишь нас, — папа двигает цветы к нему. Бурхан перехватывает пакет, прежде чем из него выскальзывает букет. Кладёт обратно, поправляет порванную бумагу. Я слежу за его руками и вспоминаю, как в пекарне эти пальцы коснулись моих. — Мы этот брак не благословим. Амина второй женой не пойдёт.

Бурхан откидывается на спинку кресла и обводит взглядом мужчин. Старший папин брат повторяет, что в нашей семье такого брака не будет. Я прижимаю колени друг к другу, прячу ладони между ними. Мне кажется, сейчас Бурхан поднимется и уйдёт. От этой мысли становится так больно, что я отворачиваюсь к окну, злясь на себя. Ведь сама вчера просила оставить меня. Теперь он сидит в двух шагах, и я опять жду, когда посмотрит на меня.

— Моих родителей всё устраивает, — говорит он, наклоняясь к отцу. Я замечаю, как Ильяс разжимает руки и упирается ладонями в колени. Папа предостерегающе смотрит на сына, заставляя его остаться в кресле. Бурхан продолжает, будто ничего не замечает. — Мы обеспечим ей отдельный дом. Всё, что нужно. Работать захочет, будет работать.

— А твою жену устраивает? — спрашиваю я прежде, чем успеваю испугаться. Мама поворачивается ко мне, делает круглые глаза. Я смотрю на Бурхана и жду, когда он ответит. — Она знает, к кому ты приехал? Или ей тоже ничего говорить не надо?

— Дайте нам с Аминой поговорить, — Бурхан встаёт, показывая мне на веранду. Я остаюсь на диване. Чувствую, как горячо становится под блузкой, потому что понимаю, зачем ему разговор без родных. В пекарне я путалась в завязках фартука, забывала вопросы. Он видел, что со мной происходит, когда подходит ближе. Я вынимаю руки и сжимаю мамину ладонь.

— Здесь говори. При всех, — прошу я, когда он опять смотрит в сторону веранды. Мне стыдно, что все слышат, как дрожит голос. Бурхан стоит ещё несколько секунд и возвращается в кресло.

— Амина, я собираюсь жениться на тебе. Ты будешь моей женой, — произносит он, глядя теперь только на меня. От его голоса опять хочется опустить глаза, но я заставляю себя смотреть. Бурхан замечает, что я сжимаю мамину руку, и хмурится. — Я могу о тебе позаботиться. Всё для тебя сделаю.

— Ты даже о ней не позаботился, — я киваю на его обручальное кольцо. В магазине я его не заметила. Я тогда разглядывала его лицо и даже на руки толком не посмотрела. Сидит с ним перед моими родными и предлагает мне выйти замуж. Я вдруг представляю, как его жена ждёт дома, как он говорил ей перед уходом, что будет поздно. — Она знает, что ты мне цветы носишь? Что звонишь? Ты хоть её спросил?

— Это я с Залиной решу, — отрезает он, и я отшатываюсь, ударившись плечом о спинку дивана. Мама притягивает меня к себе. Бурхан замечает это, подаётся вперёд, но отец поднимается со стула. Он заслоняет меня, и я почти прячусь за него, ненавидя себя за то, что вчера хотела сидеть рядом с этим мужчиной.

— Моя дочь сказала нет. Разговор закончен, — отец берётся за пакет с цветами и протягивает ему. Бурхан остаётся сидеть, пока старший дядя тоже не встаёт. Я смотрю, как двое мужчин моего рода стоят перед ним, и перестаю теревить край юбки. — Забери. От моей жены и от дочери.

Бурхан поднимается, оставив цветы в протянутой папиной руке. Ильяс делает шаг к нему, но дядя удерживает брата за локоть. Я встаю вслед за мамой. Мне хочется, чтобы Бурхан ушёл,

пока Ильяс не сорвался. Он замечает моё движение и смотрит так пристально, что я отступаю за маму. Раньше мне нравилось, когда он меня рассматривал.

— У нас семь лет ваши пироги продаются, — произносит Бурхан, обращаясь к отцу. Я перестаю поправлять рукав, за который зацепилась мамина брошь. Папа медленно опускает пакет с цветами на стол. Бурхан смотрит на него и продолжает. — Хорошо ведь работали. Обе семьи довольны были. Зачем теперь ссориться?

Отец молчит, и я впервые вижу, как он подбирает слова. В пекарне каждое утро собирают коробки для магазинов Саидовых. Я сама наклеиваю этикетки, складываю пироги по видам, сверяю количество с накладной. Вчера я радовалась, что Бурхан купил у меня выпечку, а он всё это время знал, насколько наша семья зависит от его магазинов. Отец отодвигает меня рукой, когда я пытаюсь подойти. Смотрит на своих братьев, и оба кивают ему.

— Дочьрю я не торгую, — говорит папа. Он произносит это тихо, но уверенно, и я слышу, как мама втягивает воздух. Ильяс обнимает меня за плечи, притягивает к себе. Я цепляюсь за его рукав, а отец делает шаг к Бурхану. — Будешь уходить или мне ещё раз попросить?

Бурхан уходит, оставив цветы. Ильяс провожает его до машины, дядя идёт с ними. Я остаюсь в гостиной, пока отец убирает со стола чашки. Берётся за мою, хотя я к ней так и не притронулась, держит несколько секунд и ставит обратно. Я хочу спросить, сколько заказов мы потеряем. Мама трясёт головой, остановив меня, и я прикусываю язык. Из коридора возвращается Ильяс. Говорит, что уехал, и садится рядом со мной.

Вскоре звонят отцу. Он отвечает, слушает и медленно опускается на стул. Папа включает громкую связь, когда дядя наклоняется к нему, пытаюсь расслышать. Я узнаю голос женщины, которая принимает у нас заказы для магазинов Саидовых. Она просит отменить утреннюю поставку. Отец уточняет, в какой магазин, а я уже знаю ответ и всё равно жду.

— Во все. Нам велели больше у вас не брать выпечку, — произносит женщина и торопливо прощается. Отец опускает телефон. Мама идёт на кухню, чтобы звонить в пекарню, где уже приготовили начинку на завтра. Я тянусь к папиной руке, но он обнимает меня раньше, чем я успеваю попросить прощения. Через его плечо вижу, как загорается мой телефон. Бурхан прислал одно сообщение. «Позвони, когда захочешь решить это без родных».

Глава 3

— Пап, а если я с ним поговорю, он вернёт вам заказы? — спрашиваю я, пока отец вычёркивает из тетради названия магазинов. Он поднимает голову, и я жалею о своих словах. Всю ночь уговаривала себя дожидаться утра. Казалось, мы проснёмся и придумаем, что делать. Теперь мама стоит над остывшим завтраком, а папа считает деньги, которых не хватит на расчёт с поставщиками. Ядвигаю к нему телефон. «Буду ждать тебя у пекарни». Бурхан прислал это ночью, когда я ещё плакала, уткнувшись в подушку.

— Он чего ждёт? Что ты за пироги замуж пойдёшь? — отец отодвигает телефон, задев тарелку. Мама подхватывает её у края стола. Папа смотрит на меня, и мне приходится заставить себя выдержать его взгляд. — Сегодня заеду к поставщикам, попрошу отсрочку. Покупателей тоже найдём. Ты побудешь дома, Ильяс с вами останется.

Брат уже надел куртку, собираясь ехать с ним. Теперь стягивает её и бросает на спинку стула. Я жду, что начнёт спорить, но Ильяс садится рядом, отламывает кусок лепёшки и кладёт мне на тарелку. Совсем недавно он смеялся, пока я убегала разговаривать с Бурханом. Сегодня следит, чтобы я хоть что-нибудь съела. Отщипываю крошечный кусочек, жую и чувствую, что меня стошнит, если попробую проглотить. Мама приносит воды и отворачивается, когда я выплёвываю хлеб в салфетку.

— У меня торт заказан. Его ещё закончить надо. Заказ никто не отменял, — я цепляюсь за возможность заняться работой. В пекарне сестра, покупатели, знакомые. Здесь я с самого пробуждения слушаю, не остановилась ли машина под окнами. — Я с тобой поеду, пап. Он при людях ничего не сделает.

— Вчера при людях и сделал, — отец убирает тетрадь в сумку. Я опускаю голову, вспомнив, как дяди сидели за нашим столом, пока Бурхан говорил о своих магазинах. Папа целует меня в макушку, задержав ладонь на затылке. — Заказы появятся. Сегодня останься дома. Для моего спокойствия.

После его отъезда я набираю Бурхану сообщение. Хочется объяснить, как папа считал деньги, как мама смотрела на меня за завтраком. Заставить хотя бы на минуту почувствовать себя виноватым. Успеваю написать полэкрана, прежде чем понимаю, что дам ему повод звонить. Он увидит, что я готова обсуждать наши заказы, и опять потребует встречи. Стираю всё, откладываю телефон. Мама зовёт помочь с посудой, хотя мы едва притронулись к завтраку. Она моет тарелки, я убираю еду. Мне хочется поблагодарить её за то, что молчит. Стоит заговорить, и я опять расплачусь.

Незнакомый номер появляется на телефоне, когда я закрываю холодильник. Принимаю звонок, думая о заказанном торте. Очень хочется, чтобы от меня требовалось выбрать цвет крема или уточнить вес. Мужчина представляется Рашидом. Это водитель, который забирает нашу выпечку для магазинов Саидовых. Я видела его несколько раз, когда помогала загружать ящики, и теперь узнаю голос.

— Амина, передай отцу, пусть сегодня один в пекарне не остаётся, — произносит он, понижая голос. Я включаю громкую связь, подзываю маму. Рашид объясняет, что привёз пустые лотки из магазинов и увидел двух мужчин. Один остался в машине, второй расспрашивал нашу помощницу об отце. — Высокий, со шрамом на щеке. Сказал, что Бурхан ему родственник. Велел передать, что твоему отцу лучше не упрячиться.

Мама забирает телефон, а я сжимаю в руках кухонное полотенце. Рашид начинает торопливо прощаться. Мама пытается удержать его на линии, но разговор обрывается.

— Набирай папу. Пусть едет домой, — мама возвращает мне телефон и вытирает мокрые ладони о передник.

Я открываю список вызовов и слышу, как Ильяс ругается в коридоре. Он смотрит в окно, обуваясь. На улице остановилась знакомая машина. Бурхан выходит со стороны водителя и идёт к нашей калитке. Один, в светлой рубашке, с телефоном в руке. Ильяс забирает у меня телефон, набирает отца. Я слышу торопливое «Он здесь, пап» и хватаю маму за локоть. Мы выходим на крыльцо, пока брат заканчивает разговор.

— Уезжай! Тебя сюда никто не звал! — Ильяс возвращает мне телефон и спускается по ступеням. Бурхан дёргает запертую калитку, замечает нас с мамой. Прячет свой телефон в карман, а брат прибавляет шаг и встаёт между нами. — Ты меня слышишь? Или тебе объяснить?

— Амина, иди сюда. Поговорить надо, — велит Бурхан, следя за мной через плечо Ильяса. Я в мятой вчерашней блузке, с опухшим лицом и кое-как собранными волосами. Он оглядывает меня, задерживается на покрасневших глазах. Проводит ладонью по бороде, выдыхает с раздражением. — Сколько ещё плакать будешь? Открой, я жду.

Ильяс подаётся вперёд и берётся за засов. Сбегаю по ступеням, успеваю схватить его за запястье. Ещё немного, и они окажутся рядом! Брат пытается высвободиться, а я удерживаю его обеими руками, не давая отодвинуть засов. Бурхан стоит с другой стороны, ожидая, чем это закончится. Я чувствую, как дрожит Ильяс. От злости, от желания ударить. Мама спускается к нам, берёт его под локоть, тянет к себе, и я наконец отпускаю руку брата.

— Ты слышал, что тебе вчера сказали. Зачем приехал? — спрашиваю я. Так близко к Бурхану я стояла в пекарне. Он касался моих пальцев, а я забывала, сколько стоит наш пирог. Теперь прячу руки за спину, чтобы он не видел, как они трясутся. — И людей своих больше не присылай. Что они делают у нас на работе?

— Они приехали поговорить с твоим отцом. Он на мои звонки не отвечает, — произносит Бурхан. Подаётся ко мне, положив ладонь на калитку. — Отец решил поссориться со мной, а ты плачешь. Зачем? Сядем, поговорим, всё уладим. Ну же, Амина?

— Что уладим? Ты разведёшься? — выпаливаю я и чувствую, как мама сжимает моё плечо. Зачем я это спросила! Бурхан замечает её движение, и в его лице появляется знакомая уверенность. Ему хватило одного вопроса. Я тороплюсь исправить сказанное. — Ты хоть жене сказал, куда поехал? Она знает, что ты здесь требуешь меня себе в жёны?

Он убирает ладонь. Я жду ответа, хотя вчера уже слышала, что с Залиной он разберётся сам. Хочется спросить, зачем ей муж, который ходит по другим домам. Мне стыдно от этой мысли. Женщина, которая покупала у нас пироги, могла сейчас ждать его к обеду. Я даже лица её не помню, а уже хочу, чтобы он признался при всех, что она ему не нужна. Глотаю слёзы, кусаю щёку изнутри. Вот до чего дошла! Уже готова просить его бросить жену ради меня.

— Жену в наш разговор не впутывай, — Бурхан произносит это так грубо, что я отступаю. Он замечает и смягчает голос, снова называя меня по имени. — Амина, ты же мне о своих тортах рассказывала. Сегодня будто врага перед собой видишь. Я тот же человек. Ты мне понравилась, я пришёл к твоим родителям. Чего ещё ты от меня хочешь?

— Чтобы ты оставил нас в покое! — кричу я и хватаюсь за мамину руку. Бурхан оглядывается на женщину у соседнего дома. Мне хочется, чтобы она всё слышала. Мы уже отказали ему, а он продолжает приезжать. — Я до тебя спокойно жила! Работала, домой возвращалась! Теперь папа меня выпускать боится! Я на телефон смотреть не могу!

Мама прижимает меня к себе. Я пытаюсь вытереть лицо, злюсь на собственную беспомощность и на то, что он всё это видит. Ильяс вновь тянется к засову. На улице сигналист машина отца, и брат отдёргивает руку. Папа останавливается позади автомобиля Бурхана, выбирается, оставив сумку на сиденье. Показывает мне ладонью, чтобы осталась за оградой. Ильяс отпирает калитку, отец проходит к нам, удерживая её за край.

— Я тебе вчера ответил. Мало? — папа встаёт так, чтобы Бурхан не мог пройти следом. Я прижимаюсь к его боку, и он на секунду обнимает меня, ощупывает плечо, словно проверяет,

всё ли со мной в порядке. От этого хочется биться в истерику. — У меня жена плачет. Дочь трясётся. Ты чего добиваешься? Чтобы я дочку, как овцу, тебе подарил?

— Чтобы вы перестали её от меня прятать, — Бурхан делает шаг ближе, и отец отпускает меня. Я цепляюсь за его рубашку, боясь, что он сейчас ударит Бурхана. Тот опять обращается ко мне. — Ты сама мне номер дала. Ждала, когда позвоню. Теперь посмотри на меня и скажи, что ничего не хочешь!

Я пробую заговорить, но из горла выходит жалкий всхлип. Бурхан тянется ко мне, будто ещё может уговорить одним прикосновением. Отец отводит меня за спину. Несколько секунд Бурхан стоит с протянутой рукой, глядя на папу, и я сильнее сжимаю ткань его рубашки. Мне страшно, но и спрятаться не получается. Бурхан ждёт, когда я начну оправдываться или стану врать, что его звонки ничего для меня не значили.

— Я ждала, — выговариваю я. Мама делает движение ко мне, но останавливается. Я высовываюсь из-за папиного плеча, чтобы Бурхан хорошо меня видел. — Ждала звонков, тебя ждала! Я для тебя платье выбирала! Тогда я ещё думала, что ты свободен.

Он молчит, и мне на секунду кажется, что теперь ему стыдно. Всматриваюсь в знакомое лицо, всё ещё надеюсь услышать, что он жалеет. Дурочка. Он вчера при всей моей семье сказал, что хочет жениться на мне и сохранить брак с Залиной, а я до сих пор выпрашиваю объяснения. Бурхан замечает, что к соседке присоединилась ещё одна женщина. Обе смотрят на нас. Он отворачивается и идёт к машине, оставляя меня с открытым ртом.

— Успокойся, позвонишь мне, — бросает через плечо. Я отпускаю отцовскую рубашку, делаю шаг вперёд, но папа удерживает за локоть. Хочу крикнуть что-нибудь такое, чтобы Бурхан тоже оглянулся. Чтобы хоть немного стало больно и ему. Он сам останавливается у машины, посмотрев на брата. — Ильяс, за языком следи. В следующий раз на сестру не надейся.

— Ты брату моему угрожаешь?! — я вырываюсь из папиной руки, но Ильяс успевает встать передо мной. Отталкиваю его ладони, не понимая, зачем он меня держит. — Я тебе не позвоню! Хоть в другой город уеду, лишь бы тебя не видеть! Ты понял меня? Уеду!

Бурхан садится в машину, так и не ответив. Отец стоит у калитки, пока автомобиль не исчезает за поворотом. Я утыкаюсь лицом в грудь Ильаса и начинаю всхлипывать так громко, что самой страшно. Брат гладит меня по волосам, ругается шёпотом и никак не может выговорить, что всё будет хорошо. В дом меня уводит мама. Сажает на кухне, прикладывает к лицу мокрое полотенце. Я прижимаю его ко рту, стараясь остановиться, потому что Ильяс слышит каждый всхлип.

Отец звонит тёте Мадине в соседний город. Просит принять меня, пока всё не уладится, обещает объяснить при встрече. Я слушаю, отняв полотенце от лица. Думала, начну спорить, откажусь прятаться. Теперь хочу сесть в машину и уехать туда, где Бурхан не будет ждать под окнами. Мама обещает поехать со мной, и я киваю, уцепившись за её пальцы. Она помогает мне встать и ведёт в спальню, собирать вещи.

Телефон вибрирует в кармане юбки. Я достаю его, боясь нового звонка, и вижу сообщение. «Ты можешь уехать куда угодно. Я всё равно тебя найду». Я ведь сама кричала ему об отъезде. Теперь читаю ответ, пока мама снимает с полки дорожную сумку. Выбегаю к отцу, протягиваю телефон. Папа перечитывает сообщение, смотрит на меня и зовёт маму обратно.

— Собирайся с Аминой. Вещи берите, документы, — он забирает телефон из моей руки и показывает Ильасу. Брат пробегает глазами сообщение, тянется к папиным ключам на столе, но отец накрывает их ладонью. — Поедем вместе. Сначала в полицию.

Глава 4

— Я ничего такого не говорил. Вы меня с кем-то перепутали, — голос Рашида звучит из телефона на столе полицейского. Я наклоняюсь к нему, готовая повторить наш утренний разговор. Отец придерживает меня за локоть. Мама сидит рядом с сумкой на коленях, Ильяс остался в коридоре. Мы приехали сюда с вещами, собираясь после заявления уехать к тёте. Теперь я слушаю, как человек, предупреждавший меня об опасности, торопливо прощается. Полицейский пытается задать вопрос, но Рашид заканчивает разговор.

— Он звонил мне! Мама тоже слышала! — я достаю свой телефон, показываю утренний вызов. Мужчина за столом сверяет цифры, записывает время. Я смотрю на него, пытаюсь понять, верит ли он нам. — Мы это не придумали. Зачем нам придумывать?

Заявление у нас принимают. Я показываю сообщения Бурхана, рассказываю об угрозе Ильясу, называю соседок, которые стояли на улице. Отец добавляет про вчерашний разговор при дядях. Полицейский уточняет подробности, просит сохранить переписку. Я подписываю листы, а папа убирает бумажку с номером регистрации заявления в карман рубашки. Очень хочется услышать, что теперь Бурхан к нам не подойдёт. Нам обещают разобраться. Когда мы выходим, Ильяс вскакивает со скамьи, забирает у мамы сумку и ведёт её к машине.

К тёте Мадине приезжаем засветло. Она обнимает меня, помогает отнести вещи в комнату, где я раньше ночевала летом. В шкафу до сих пор лежат мои домашние тапочки. Переодеваюсь, пока мама объясняет тёте, что случилось. Отец с Ильясом уезжают домой. Брат обещает присылать фотографии из пекарни, чтобы я проверяла, как они без меня справляются. Я заставляю себя улыбнуться и машу ему, пока машина не скрывается за соседним домом.

Мы остаёмся у тёти. Я помогаю двоюродной сестре закончить заказанный торт по видеосвязи, смеюсь вместе с ней, когда всё получается. Вечерами звонит папа. Они с братьями нашли несколько маленьких магазинов, где согласились брать нашу выпечку. Заказов пока мало, зато пекарня работает. Я слушаю его и уже представляю, как вернусь. Сумку так и держу под кроватью, вынимаю вещи, когда нужны, хотя тётя освободила мне полку.

Бурхан присылает три сообщения. Спрашивает, как я, желает спокойной ночи, пишет, что скучает. Я сохраняю каждое и пересылаю отцу. Папа просит не отвечать. Легче становится, когда Ильяс присылает фотографию из пекарни. Я увеличиваю снимок, рассматриваю брата в моём фартуке. Он подписывает, что теперь главный кондитер. Я улыбаюсь, представляя, как он распоряжается на нашей кухне.

Когда звонит отец, я у себя в комнате. Мама берёт телефон, слушает и садится на стул, мимо которого шла. Я вижу её из комнаты, бросаю расчёску и бегу к ней. Мама отворачивается, а я хватаю её за плечи. Она уже плачет, прижимая телефон к уху. Я трясую её, пытаюсь заставить посмотреть на меня. Она лишь повторяет имя брата.

— Что случилось? Мам, что?! — вырываю телефон, пока она пытается удержать мою руку. Папа зовёт меня по имени, просит сесть. Я остаюсь стоять, опираясь о спинку стула. — Он живой? Папа, скажи, что он живой!

— Живой, дочка. Я с ним, мы у врача, — отец произносит каждое слово медленно, давая мне услышать. За его спиной кто-то просит освободить проход, гремит каталка. Я зажимаю пальцами свободное ухо. — Его избили. Твоя двоюродная сестра нашла за пекарней. Мадине передай, пусть вызовет вам такси. Я сейчас без машины, с братом твоим на скорой приехал.

В дороге я смотрю на фотографию, которую Ильяс прислал вчера. Он улыбается, держа коробку с пирогами, а я отправила ему смайлик. Даже не спросила, как у него дела. Мама звонит отцу, узнаёт, куда нам ехать. Я прошу водителя поторопиться, достаю кошелек, предлагаю все деньги, которые у меня есть. Мама отнимает кошелек, прижимает меня к себе.

Дядя привозит нас из больницы домой к вечеру. Врачи осмотрели Ильяса, сделали снимки и обследовали живот. Сказали, что внутренних повреждений не нашли, но велели следить за его состоянием и возвращаться при ухудшении. Ильяса приходится поддерживать с двух сторон. Я протягиваю руки, хочу помочь, а он отворачивается к отцу. В прихожей брат останавливается, обхватывает живот. Мама причитает, что его зря отпустили. Папа помогает ему лечь на диван, подкладывает подушку. Я стою с пакетом лекарств и никак не могу поставить его на стол. Брат лежит на боку, одну ногу держит согнутой. У него заплыл глаз, губа рассечена и зашита.

— Не смотри так. Меня не убили, — Ильяс пытается улыбнуться, но морщится и прикладывает салфетку ко рту. Я опускаюсь перед диваном, ставлю пакет на пол. Хочу взять его за руку, замечаю сбитые пальцы и касаюсь только запястья. Брат смотрит мимо меня. — Амин, принеси воды. Очень пить хочется.

Я возвращаюсь со стаканом и слышу, как он рассказывает отцу о мужчине со шрамом. Тот ждал у служебного входа, позвал поговорить. Второй подошёл со стороны стоянки. Ильяс успел ударить одного, но они вдвоём сбили его с ног и стали бить. Я останавливаюсь так резко, что вода выплёскивается на пальцы. Брат видит меня и замолкает. Папа принимает стакан, помогает ему приподняться. Мама сидит у изголовья, гладит Ильяса по волосам и вытирает свои щёки краем платка.

— Что они тебе сказали? — спрашиваю я, когда папа ставит стакан на стол. Ильяс переводит взгляд на отца. Я возвращаюсь к дивану, сажусь на пол, чтобы брату не пришлось поворачивать голову. Мне нужно услышать. Я и так всё знаю, но он должен сказать. — Про меня говорили? Ильяс, пожалуйста.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.